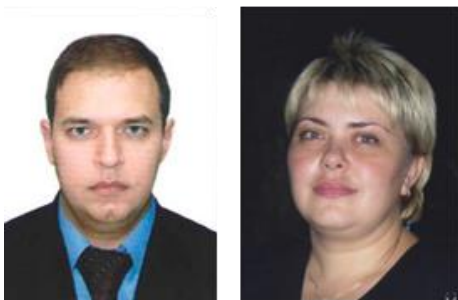

УДК 316.75

© 2015 г.

*А.В. Бедрик,
А.Н. Дьяченко*

**ВЕДОМСТВЕННЫЙ НАЦИОНАЛИЗМ
В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ
ОБЩЕСТВЕ: ЭТНОКРАТИЯ
ИЛИ МИГРАНТОФОБИЯ?¹**

Бедрик Андрей Викторович – кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник Института социологии и регионоведения ЮФУ, г. Ростов-на-Дону, e-mail: abedrik@bk.ru

Дьяченко Анжела Николаевна – кандидат философских наук, старший научный сотрудник Института социологии и регионоведения ЮФУ, г. Ростов-на-Дону, e-mail: angelz2004@yandex.ru

---

Аннотация. Статья посвящена проблеме распространения среди российских государственных и муниципальных служащих установок национализма, которые воспроизводятся в практиках их профессиональной деятельности и в публичной риторике. Ведомственный национализм может принимать форму этнократии или усиливать мигрантофобию в регионах, принимающих иноэтническую миграцию. Профилактика ведомственного национализма является фактором гармонизации межэтнических отношений в поликультурном сообществе.

Ключевые слова: национализм, этническая идентичность, ксенофобия, межнациональные отношения, этнократия, ведомственный национализм.

---

¹ Статья выполнена в рамках внутреннего гранта ЮФУ № 213.01-07-2014/15ПЧВГ «Угрозы национальной безопасности в условиях геополитической конкуренции и модели агрессивного и враждебного поведения молодежи».

Проблема национализма относится к категории «родовых травм» общества на протяжении всей истории человечества. С одной стороны, умеренный уровень национализма в определенной степени сохраняет историческое ядро этноса, не позволяет быть утраченной этнической идентичности. С другой стороны, национализм выступает основой этнической сегрегации, является причиной подавляющего большинства межэтнических конфликтов и идеологией, обосновывающей и оправдывающей этнические репрессии, депортации, геноцид. При этом провести грань между умеренностью и радикальностью в уровне национализма сложно, учитывая динамический характер системы человеческих ценностей и моделей поведения. Как известно, латентный (бытовой) национализм немцев в условиях послевоенного кризиса 1920–1930-х гг. электоральным способом привел к власти самую крайнюю форму радикального национализма – нацизм. Поэтому любые проявления национализма независимо от степени их умеренности следует рассматривать как риски для развития межнациональных отношений в полиэтнических сообществах, каковым является Россия.

Особенно опасным выглядит национализм, носителями которого выступают представители власти, органов правопорядка, которые в соответствии с Конституцией и законами, нормами международного права должны обеспечивать свободу и равенство всех граждан, независимо от их национальной, религиозной или расовой принадлежности. В этом случае проявления национализма и ксенофобии становятся фактором, подрывающим имидж государства как социального института, выполняющего функцию по поддержанию порядка и стабильности в обществе, гарантируя интеграцию всех слоев и групп населения на основе общей гражданской идентичности. Такой национализм получил в публичном дискурсе название – ведомственный национализм.

Ведомственный национализм следует рассматривать не как особый вид национальной идеологии, а как способ группового поведения, присущий государственным и муниципальным служащим в отношении определенных национальных сообществ. Ведомственный национализм проявляется через две модели поведения чиновников. Первая модель отвечает принципу «спасай своего». В соответствии с ней профессиональная деятельность осуществляется в интересах представителей собственной национальной группы (или представителей групп, имеющих небольшую культурную дистанцию). Основой такой позиции являются не только и не столько этнический альтруизм и солидарность, сколько стереотипы негативного восприятия чужаков, которые заставляют принимать решения в пользу своего. Этот принцип можно

рассматривать и как современное проявление nepoтизма, и как результат тенденции трайбализации социальной жизни, но главное – как неудовлетворительное качество системы межнациональных отношений в конкретном обществе.

Вторая модель отвечает принципу «навреди чужому». В этом случае происходит прямое противопоставление своего народа другому/другим. В этом случае речь идет об открытом проявлении национализма и этнической неприязни. В этом случае еще в большей степени, чем в случае с первой моделью, деятельность чиновника может рассматриваться как противоправная, нарушающая нормы и законодательства, традиционные этические нормы. Носители подобных установок готовы и заинтересованы в прямом межнациональном противостоянии или даже в проявлении этнического насилия. В российском обществе идеологической почвой такой модели поведения выступают идеи русского национализма, имперские амбиции части населения, апелляция к «исторической необходимости защитить Русское государство от иноземной интервенции». В качестве интервентов рассматриваются как зарубежные страны, так и автохтонные народы России и представленные на ее территории диаспоры.

Распространение в современном российском обществе ксенофобии и национализма (в том числе ведомственного) связано с действием следующих факторов. Во-первых, кризисный распад СССР, спровоцированный как внешними причинами, так и ростом национализма среди титульных этносов самих союзных республик. Во-вторых, центробежные тенденции развития федеративных отношений в постсоветской России, в результате которых нормы республиканского законодательства вплоть до начала 2000-х гг. либо не соответствовали федеральным законам, либо напрямую им противоречили. В-третьих, имевшие место этнополитические кризисы в самой России, проявившиеся в серии региональных конфликтов и войне в Чечне. В-четвертых, интенсификация внешней и внутренней миграционной динамики населения и как ее следствие – трансформация этнодемографической структуры населения в большинстве регионов России (снижение доли русских в национальных республиках, массовый прирост диаспор в других регионах). В-пятых, социально-экономический кризис в России, увеличение экономической и социальной нагрузки на региональные бюджеты за счет мигрантов и рост конкуренции на рынке труда.

Субъектами (носителями) ведомственного национализма могут выступать следующие категории служащих: сотрудники органов региональной власти и местного самоуправления; сотрудники правоохрани-

нительных органов (полиции, ФМС, прокуратуры, налоговой инспекции, таможенных органов и др.); сотрудники социальных служб и др. Особенно часто в научной литературе и в публицистике освещается проблема ведомственного национализма на примере деятельности органов полиции. Во-первых, сотрудники полиции выступают ретрансляторами установок ксенофобии и национализма, приводя в своих сообщениях в СМИ статистику «этнической преступности», дифференцируя ее исходя из национальности преступника или страны его происхождения. Вслед за этим такую националистическую риторику воспринимают журналисты и благодаря современным информационным технологиям формируют соответствующее общественное мнение всего населения [9, с. 23]. В результате в массовом сознании российских граждан слово «мигрант» приобретает синонимическое значение слова «преступник». Как отмечает А.А. Аслаханов, зарубежные преступные «бренды» сицилийской и гонконгской мафии в России вытесняются отечественными «марками» – азербайджанская, чеченская, дагестанская, армянская, грузинская, цыганская и другие преступные группировки [1, с. 37].

Однако целый ряд исследований указывает на несущественное влияние этнических сообществ или мигрантов на криминогенную обстановку в стране. Так, чл.-корр. РАН А.В. Дмитриев отмечает, что, несмотря на наличие криминальных этнических сообществ в России, их влияние на уровень преступности в обществе незначительно [6, с. 199]. Отрицательное влияние миграционных процессов усиливается, когда они вступают во взаимодействие с другими негативными социально-экономическими и политическими факторами в стране – реципиенте миграции [7, с. 103]. Кроме того, международный опыт свидетельствует, что образование большинства этнических преступных групп происходит на первоначальных этапах их социальной адаптации в принимающих сообществах и связано, как правило, с тем, что другие каналы вертикальной мобильности являются для них недоступными или монополизированы другими этническими группами. Так, исследователи, анализирующие причины формирования этнических мафиозных структур в США, пришли к выводу, что по мере восхождения одной группы этнических мигрантов по лестнице благосостояния и престижа она постепенно освобождает нишу организованной преступности, которую со временем занимают другие группы [4, с. 73]. Большинство современных исследований, связанных с анализом преступности мигрантов, сходятся во мнении о деэтнизации организованных преступных групп. По данным Э.А. Паина, этот процесс хорошо про-

слеживается при анализе изменений роли различных этнических групп в транспортировке наркотиков из Центральной и Средней Азии в Россию и Европу. Этнические меньшинства (в т.ч. мигрантские) вытесняются из наркобизнеса своими более многочисленными конкурентами, которые в меньшей степени привлекают к себе внимание правоохранительных органов, в том числе в силу большей концентрации усилий последних на борьбе с этническими криминальными группами [12, с. 114–116].

Ведомственный национализм имеет еще одно воплощение, которое он получает в системе этнократии. Этнократию можно определить как форму политической власти, при которой осуществляются экономические, политические, социальные и духовные процессы с позиций примата национальных интересов доминирующей этнической группы в ущерб представителям других наций, народностей и национальностей [13, с. 55]. Проявлением этнократии является искусственное ограничение доступа к ресурсам власти, должностному положению в органах государственного и муниципального управления представителей каких-либо этнических групп. В российском обществе этнократия чаще всего проявляется на региональном и локальном уровнях. В большинстве регионов и муниципальных образований с доминированием русского населения ключевые посты в административных структурах занимают также представители демографически доминирующей группы. Иной порядок, по мнению националистически настроенной части общества, угрожает социальной стабильности и нарушает принцип справедливости. Так, в Ростовской области в 2008 г. главой одного из сельских поселений стала представительница чеченского этноса, что вызвало резонанс на уровне местных СМИ и негативную реакцию со стороны руководства местных отделений казачества. Такие реакции хоть и не привели к пересмотру кадрового вопроса, но наглядно продемонстрировали этнократическую модель мышления части населения.

Наиболее резонансное проявление этнократии исходит от представителей федеральной политической элиты. При этом вовлеченными в эти процессы оказываются как официальный политический истеблишмент (например, вице-премьер российского правительства Д. Рогозин) и лидеры политических партий, имеющих парламентское представительство (например, В. Жириновский), так и маргинальные политические деятели (например, А. Макашов). Широко растиражированным оказался рекламный ролик партии «Родина» (лидер в то время – Д. Рогозин) на выборах в Московскую городскую думу в 2005 г., который демонстрировал поведение мигрантов с юга и завершился призы-

вом «очистить Москву от мусора» [8]. Не менее известен предвыборный лозунг ЛДПР в 2003 г. «Мы за русских, мы за бедных» [11]. На сегодняшний день федеральная политическая элита более осторожно подходит к своим комментариям и высказываниям на тему национального и миграционного вопроса, а сама национальная проблематика переместилась от внутрироссийского ракурса к внешнеполитической дискуссии о статусе русских в республиках бывшего СССР.

Однако даже в последние годы встречаются публичные выступления, подобные речи экс-губернатора Краснодарского края, а ныне министра сельского хозяйства А. Ткачева, который в начале августа 2012 г. заявил о необходимости создания казачьих дружин для борьбы с мигрантами, прибывающими из соседних, более южных регионов: «И сегодня я думал и размышлял, что мы еще успеем: между Кавказом и Кубанью есть фильтр – Ставрополье. Но теперь я вижу, что его нет. Следующие – мы с вами» [15]. Подобные настроения начальства транслируют и подчиненные. Так, В.А. Шнирельман приводит выдержки из интервью с чиновницей администрации Краснодарского края Г. Мухиной: «Вся преступность от них, некоренных жителей Кубани. Эти люди оккупировали Сочи, Туапсе, Геленджик, все лучшие наши места. Едут и едут...». При этом автор высказывания обобщала в нем как иностранных граждан, так и граждан РФ, ни на минуту не задумываясь о нарушении конституционных норм, гарантирующих права и свободы человека и гражданина [16, с. 31].

Другим носителем панславянских этнократических ценностей и установок зачастую выступает казачество. Постоянные призывы к депортации с территории «русских» краев и областей всех этнических мигрантов, ограничению въезда на их территорию представителей народов Кавказа, угрозы применения силы в отношении тех, кто, по мнению казаков, нарушает «исторические» права русскоязычного населения, чрезвычайно актуализируют и без того весьма политизированные проблемы этнодемографической трансформации структуры населения. Российские политологи Л.Л. Хопёрская и В.А. Харченко, анализируя природу и динамику локальных межэтнических конфликтов в Ростовской области, уделяют внимание и такому аспекту, как националистический тезаурус публичной риторики казачества. В соответствии с ним миграционная ситуация в российских регионах характеризуется через такие эпитеты, как «смертельная опасность», «косовский сценарий», «им здесь делать нечего», «выселение», «мы хозяева – они гости» и т.д., что безусловно политизирует систему межэтнических отношений [14, с. 139]. Безусловно, вопрос казачьего национа-

лизма не может в полной мере рассматриваться в контексте проблематики ведомственного национализма. Однако, учитывая действие на территории России Федерального закона от 5 декабря 2005 г. № 154-ФЗ «О государственной службе российского казачества» и частое совмещение лидерами казачества должностей в федеральных, региональных и местных исполнительных и законодательных органах власти, проявления откровенно дискриминирующей риторики казаков вписываются в рамки исследуемой проблемы [3, с. 110].

На региональном уровне ведомственный национализм и этнократия зачастую проявляются в кланово-этническом механизме рекрутирования политической элиты, «титულიности» большинства сфер престижной занятости. Так, для большинства республик Северного Кавказа и Поволжья характерно преимущественное представительство в органах государственной и муниципальной власти представителей титульных этносов, даже если они не относятся к числу этнического большинства (как, например, в Адыгее). В республиках с этнически сложным населением (Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкесия, Дагестан) на протяжении всей их постсоветской истории наиболее привилегированные позиции в политической и экономической иерархии фактически монополизированы преобладающими этногруппами (соответственно кабардинцами, карачаевцами, аварцами и даргинцами). Об этом свидетельствуют и данные, приводимые чл.-корр. РАН Ж.Т. Гощенко [13, с. 276]. Для Ингушетии и Чечни с фактически моноэтнической структурой населения характерна тейпово-тухумная (клановая) система элиты и всей сферы управления в целом. Аналогичные процессы характеризовали в недавнем прошлом и Калмыкию, где получил распространение такой вид этнократии, как улусизм [2, с. 196]. Рост региональной этнократии обусловил сокращение русских в этнодемографической структуре населения северокавказских республик, существенно трансформировал их социокультурный статус в региональных социумах [5, с. 241]. Предпринятые в 2000-х гг. реформы федеративных отношений в России во многом положительно повлияли на нейтрализацию этнократических и националистических тенденций в республиках, но не уничтожили их до конца. В частности, в Чечне в январе 2012 г. в связи с годовщиной восстановления Чечено-Ингушской АССР Р. Кадыров издал обращение к жителям республики, в котором население, переехавшее на территорию Чечни в период депортации чеченцев и ингушей, характеризовалось как люди, «хозяйничавшие в чужих домах» [10].

Если на Северном Кавказе объектами ведомственного национализма становились русские и некоторые другие народы, то в большинстве других регионов он проецировался на неславянскую часть населения. Так традиционными объектами демонстрации националистических установок становятся представители этнических диаспор как из российских республик Северного Кавказа (которые по своей сути и не являются диаспорами, будучи коренным населением России), так из бывших республик СССР и стран дальнего зарубежья. В этом случае проблема ведомственного национализма имеет не столько этнократический характер, сколько миграционное преломление и имеет устойчивое проявление в виде различного рода этнофобий (прежде всего, кавказофобии, а в восточных регионах РФ еще и синофобии). Инструментами этнической дискриминации выступают институт временной регистрации, квотирование рабочих мест и выдача разрешения на работу мигрантам, отсутствие государственного мониторинга соблюдения работодателями трудовых прав мигрантов, отказ в предоставлении социальных (в т.ч. медицинских и образовательных) услуг мигрантам и их семьям и т.д.

Следует обратить внимание еще на одну проблему, касающуюся ведомственного национализма, – нежелание прокуратуры и судебных органов квалифицировать рассматриваемые преступления как дела о разжигании национальной розни [16, с. 432]. В большинстве случаев выявить национальный или религиозный аспект преступлений сложно, поэтому для облегчения процессуального механизма такие дела рассматривают как хулиганство, разбой, убийство или другие бытовые преступления, строгость наказания по которым значительно меньшая. В результате у преступников и их сообщников возникает уверенность в собственной безнаказанности и справедливости совершаемых действий, а у жертв подрывается доверие к системе правопорядка и правосудия.

Таким образом, национальный вопрос в российском обществе является одним из главных приоритетов государственной политики, ставящей задачи гармонизации межнациональных отношений, профилактики в обществе ксенофобии и экстремизма. При этом представители власти зачастую сами становятся ретрансляторами националистического мировоззрения и воспроизводят дискриминационные практики в своей непосредственной профессиональной деятельности. Подобная ситуация выглядит особенно опасной, учитывая эффект стереотипизации массового сознания, в соответствии с которым действия отдельного представителя власти переносятся на свойства всего обще-

ства, рассматриваются как базовая установка всего населения. В результате формируются устойчивые социальные и коммуникативные барьеры между этническими компонентами российского общества, усиливаются культурные границы и блокируются возможности для развития межкультурного диалога. Нейтрализация подобных негативных тенденций должна стать актуальной задачей реформирования системы государственной и муниципальной службы, органов правопорядка и правосудия, объектом мониторинга со стороны самого государства, СМИ и институтов гражданского общества.

Литература

1. *Аслаханов А.А.* О российской мафии без сенсаций (размышления генерал-майора милиции). СПб., 2004. 406 с.
2. *Бедрик А.В.* Политическая ситуация и этнополитическое мифотворчество в Калмыкии // Южнороссийское обозрение. Вып. 24. Ростов н/Д., 2004. С. 194–196.
3. *Бедрик А.В.* Социальная адаптация этнических мигрантов в Ростовской области. Ростов н/Д., 2007. 144 с.
4. *Волков В.В.* Силовое предпринимательство: экономико-социологический анализ. М., 2005. 282 с.
5. *Денисова Г.С., Уланов В.П.* Русские на Северном Кавказе: анализ трансформации социокультурного статуса. Ростов н/Д., 2003. 352 с.
6. *Дмитриев А.В.* Миграция: конфликтное измерение. М., 2006. 432 с.
7. *Зюков А.М.* Миграционные потоки и тенденции этнической преступности // Новые криминальные реалии и реагирование на них. М., 2005. С. 95–109.
8. История участия «Родины» в выборах в Мосгордуму // Коммерсантъ. 2005. № 228. 3 дек. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/632299> (дата обращения: 25.07.2015).
9. Милиция и этнические мигранты: практики взаимодействия / под ред. В. Воронкова, Б. Гладарева, Л. Сагитовой. СПб., 2011. 640 с.
10. Обращение главы Чеченской Республики Р.А. Кадырова в связи с годовщиной восстановления ЧИАССР // Грозный-Информ. URL: <http://www.groznyinform.ru/main.mhtml?Part=8&PubID=31214> (дата обращения: 29.07.2015).

References

1. *Aslakhanov A.A.* O rossiyskoy mafii bez sensatsiy (razmyshleniya general-mayora militsii). SPb., 2004. 406 s.
2. *Bedrik A.V.* Politicheskaya situatsiya i etnopoliticheskoe mifotvorchestvo v Kalmykii // Yuzhnorossiyskoe obozrenie. Vyp. 24. Rostov n/D., 2004. S. 194–196.
3. *Bedrik A.V.* Sotsial'naya adaptatsiya etnicheskikh migrantov v Rostovskoy oblasti. Rostov n/D., 2007. 144 s.
4. *Volkov V.V.* Silovoe predprinimatel'stvo: ekonomiko-sotsiologicheskii analiz. M., 2005. 282 s.
5. *Denisova G.S., Ulanov V.P.* Russkie na Severnom Kavkaze: analiz transformatsii sotsiokul'turnogo statusa. Rostov n/D., 2003. 352 s.
6. *Dmitriev A.V.* Migratsiya: konfliktnoe izmerenie. M., 2006. 432 s.
7. *Zyukov A.M.* Migratsionnye potoki i tendentsii etnicheskoy prestupnosti // Novye kriminal'nye realii i reagirovanie na nikh. M., 2005. S. 95–109.
8. Istoriya uchastiya «Rodiny» v vyborah v Mosgordumu // Kommersant. 2005. № 228. 3 dek. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/632299> (data obrashcheniya: 25.07.2015).
9. Militsiya i etnicheskie migranty: praktiki vzaimodeystviya / pod red. V. Voronkova, B. Gladareva, L. Sagitovoy. SPb., 2011. 640 s.
10. Obrashchenie glavy Chechenskoj Respubliki R.A. Kadyrova v svyazi s godovshchinoy vosstanovleniya ChIASSR // Groznyy-Inform. URL: <http://www.groznyinform.ru/main.mhtml?Part=8&PubID=31214> (data obrashcheniya: 29.07.2015).

11. Официальный сайт Либерально-демократической партии России. URL: http://ldpr.ru/ldpr_talks/Party_press/Books/We_are_for_the_poor_We_in_Russian/ (дата обращения: 25.07.2015).

12. Паин Э.А. Этнополитический маятник. Динамика и механизмы этнополитических процессов в постсоветской России. М., 2004. 328 с.

13. Тощенко Ж.Т. Этнократия: История и современность. Социологические очерки. М., 2003. 432 с.

14. Хоперская Л.Л., Харченко В.А. Локальные межэтнические конфликты на Юге России: 2000–2005 гг. Ростов н/Д., 2005. 164 с.

15. Чиновников будут наказывать за национализм // Сибирское агентство новостей. URL: <http://fed.sibnovosti.ru/politics/204040-chinovnikov-budut-nakazyvat-za-natsionalizm> (дата обращения: 29.07.2015).

16. Шнирельман В.А. «Порог толерантности»: Идеология и практика нового расизма. Т. II. М., 2011. 856 с.

11. Ofitsial'nyy sayt Liberal'no-demokraticeskoy partii Rossii. URL: http://ldpr.ru/ldpr_talks/Party_press/Books/We_are_for_the_poor_We_in_Russian/ (data obrashcheniya: 25.07.2015).

12. Pain E.A. Etnopoliticheskiy mayatnik. Dinamika i mekhanizmy etnopoliticheskikh protsessov v postsovetskoj Rossii. M., 2004. 328 s.

13. Toshchenko Zh.T. Etnokratiya: Istoriya i sovremennost'. Sotsiologicheskie ocherki. M., 2003. 432 s.

14. Khoperskaya L.L., Kharchenko V.A. Lokal'nye mezhetnicheskie konflikty na Yuge Rossii: 2000–2005 gg. Rostov n/D., 2005. 164 s.

15. Chinovnikov budut nakazyvat' za natsionalizm // Sibirskoe agentstvo novostey. URL: <http://fed.sibnovosti.ru/politics/204040-chinovnikov-budut-nakazyvat-za-natsionalizm> (data obrashcheniya: 29.07.2015).

16. Shnirel'man V.A. «Porog tolerantnosti»: Ideologiya i praktika novogo rasizma. T. II. M., 2011. 856 s.